

Любимова Г.В. Старожилы и переселенцы Сибири: этнические стереотипы обрядового поведения // Этнос, ландшафт, культура. Материалы конференции. СПб: Европейский дом, 1999. С. 40-44.

Заселение и хозяйственное освоение обширных зауральских территорий, ставшее постояннодействующим фактором этнической истории русских, украинцев и белорусов, доказало высочайшие адаптивные возможности восточных славян, отражением чего явилось создание локальных вариантов сибирского народного календаря. Будучи своеобразным слепком крестьянской жизни, народный календарь оставался не просто “аграрной энциклопедией”, но представлял собой своего рода **этноэкологическую систему**, являясь воплощением опыта традиционного природопользования и конкретным способом адаптации той или иной этнической общности к окружающей среде и природно-климатическим условиям.

Планомерный сбор полевого материала, проводившийся в течение ряда лет в районах Западной Сибири и Забайкалья, выявил наличие специфических обрядовых комплексов у таких групп славянского населения, как **сибиряки-старожилы**, (в том числе, чалдоны и старообрядцы различных согласий и толков), и **российские переселенцы** более поздних периодов.

Отношения старожилов и переселенцев Сибири складывались не всегда гладко, что хорошо фиксируется как архивными, так и полевыми материалами. В предназначенной для РГО заметке “Поверхностные черты сибирского общежития” новопоселенцы из Европейской России были названы “негодным отребьем”, засланным в Сибирь “с привычками бродяжничества и жить достоянием других” (АРГО, р.55). Противостояние тех и других имело объективный характер, поскольку старожилы, как писал маслянинский краевед А.Т. Лямзин, зачастую “препятствовали устройству на жительство приезжих, запрещали покупать и строить жилье, не давали пахотной земли и сенокосов, хотя угодыя были общественными... Приезжие не могли сразу уплатить за приписку в сельскую управу 100-200 рублей”, поэтому вынуждены были на первых порах наниматься на работу к сибирякам. Обоюдное размежевание на “своих” и “чужих” подкреплялось осознанием неповторимости собственной культуры и нередко дополнялось

уничжительными характеристиками чужаков. К примеру, российский край села Коурак (Тогучинский р-н Новосибирской обл.) носил у старожилов название “Нахаловки”. Переселенцы же, в свою очередь, утверждали, что многое в Сибири поначалу казалось им “диким и страшным” - таково было первое впечатление о проводах Масленицы у А.К. Третьяковой (1905 г.р.), приехавшей в Алтайский край из Орловской губ., (ее поразила стоявшая на снях печь, из трубы которой шел дым от горевшего в ней кизяка). Образ “чужого” как представителя иной этнокультурной группы закреплялся многочисленными быличками, в которых в качестве “колдуньи, обернувшейся свиньей”, могла фигурировать какая-нибудь “женщина из российских”, а в качестве колдуна, “снямавшего урожай”, выступал “один чалдон” (записано в Мошковском р-не Новосибирской обл.).

Специфика этнокультурного облика той или иной группы нагляднее всего проявляется при сравнении узловых моментов обрядности и прежде всего - обычаев и обрядов календарного цикла, содержащих в себе универсальные правила экологического поведения и выступавших, по сути, в роли мифоритуального оформления отношений “человек / общество - природа”.

Традиционная культура каждого народа строилась, как известно, на нескольких “опорных элементах мироощущения”, позволявших осмыслить и описать любые процессы и состояния мира. Воплощенные в реальных природно-космических объектах (река, гора, птица и др.), указанные элементы получили название “доминантных символов” традиционного мировоззрения (см.: А.М. Сагалаев, 1991). Одним из универсальных символов подобного рода является **дерево**. В славянской традиции с образом дерева связан широкий круг представлений, в которых оно предстает как опора всех сфер мироздания и в то же время - как священный центр рода, от которого зависели жизнь и благополучие всего коллектива.

Частные, конкретные формы воплощения подобных представлений в значительной степени отличались друг от друга. Рассмотрим роль указанного символа в обрядовых комплексах некоторых групп старожилов и переселенцев Сибири, различия между которыми

представляются особенно показательными в силу того, что носители разных культурных традиций нередко проживали здесь рядом, в сходных условиях и в пределах одних и тех же территориально-административных единиц.

В колядке черниговских переселенцев, проживающих ныне в Маслянинском районе Новосибирской области, сам Бог со своим “семейством” оказывается в гостях у хозяина: вечером, под Новый год, девки-щёдры под окнами пели, что *“У пана Ивана посярёд двора стояла явора,.. / На той явори свечи гарели,.. / Воски капали,.. / В озёра стаяли,.. / А в тых озерах сам Бог купався,.. с боженятками”* (с.Петропавловка). Образ “явори” приобретает здесь поистине космическое звучание, являясь своего рода “осью”, соотнесенной с верхним и нижним мирами и превращающей двор хозяина в центр мироздания. Аналогичного образа в святочном фольклоре сибиряков-старожилов обнаружить не удалось.

Вместе с тем, характерной особенностью старожильского календаря являлась развитая масленичная обрядность, в которой хорошо прослеживается мотив “жертвы у мирового дерева”: к примеру, чалдонский масленичный поезд представлял собой сложное сооружение, на которое водружалась жердь с колесом и чучелом в “мужской лопоти”, подвергавшимся в итоге сожжению (записано в с.Малышево Сузунского р-на Новосибирской обл.). Нередко шест превращался в мачту, а сама конструкция приобретала вид корабля: так, непременным атрибутом масленичного поезда сибиряков-старожилов Ярковского и Ялуторовского р-нов Тюменской обл. являлась лодка-долбленка (“бат”).

Значительным разнообразием отличался образ дерева в троицкой обрядности славянского населения Сибири. Отличительной чертой народного календаря вятских переселенцев, проживающих ныне в Тальменском р-не Алтайского края, являлся развернутый обрядовый комплекс с березкой: наряженное в девичью одежду деревце торжественно несли через всю деревню к реке “до самого моста”, где его разряжали и, разломав на ветки, бросали в воду (с.Шишкино). Сама березка выступала в данном случае как символ священного родового дерева и в то же время - как важнейший атрибут девичьих обрядов совершеннолетия. Пермские переселенцы считали березку в этот день

именинницей. Троицкое дерево белорусских переселенцев было представлено “маем” (молодой березкой, липой или кленом), обрядовые действия с которым сводились к тому, что деревце “торкали в городьбу перед домом”, где оно стояло, “покуда не посохнет”. Отметим, что образ дерева в свадебной обрядности указанной группы населения был подробно разработан и представлен молодой елочкой (“ельцом”, “ельчиком”). Отсутствие леса в степных районах Алтае породило усеченную (“редуцированную”) форму обрядности, когда обрядовые действия совершались лишь с веточками черемухи, смородины, тополя или клена, которыми украшали церковь и окна домов. Роль троицкого деревца семейских - старообрядцев Забайкалья - играла наряженная лиственница (“листвянка”), которую называли “кумушкой” (записано в с.Десятниково Тарбагатайского р-на Бурятии). Вообще обрядовые действия с троицким деревом (также, как ворожба и хождение ряжеными на Святки) считались у староверов греховными. По этой причине их старались совершать “крадче”, тайком от родителей (записано в с.Старо-Гутово Тогучинского р-на Новосибирской обл.). Обычно же кержаки все три дня праздника ходили на кладбище поминать родителей, украшая зеленью кресты и оградки на могилах (записано в с.Козловка Болотнинского р-на Новосибирской обл.). В случае засухи семейские Забайкалья совершали молебны возле воздвигнутых на горах деревянных крестов с тем, чтобы “батюшка Илья, намочил поля и дал дождичка для старых и для малых” (ср. с ролью “записа” - священного дерева южных славян с вырезанным на коре крестом, возле которого совершали молебны, устраивали праздничные трапезы и т.п.).

Сравнение обрядовых комплексов старожилов и переселенцев Сибири выявило крайне неравномерное функционирование образа дерева в фольклоре и узловых моментах традиционной обрядности указанных групп населения. Старообрядческий календарь отличался большей аскетичностью по сравнению с обрядовыми комплексами других групп. Календарь сибиряков-старожилов выявил некоторые архаичные детали обрядности, но при этом обнаружил полное отсутствие ряда обычаев и обрядов, характерных для переселенческой традиции, что частично компенсировалось менее строгим отношением коренных сибиряков к

“греховным” с точки зрения старообрядцев действиям. Сохранив известную консервативность старожильского календаря, чалдонский календарь оказался более восприимчивым к инновациям российских переселенцев. Наконец, переселенческий календарь отличался значительным разнообразием обычаев и обрядов, связанных с сохранением традиций мест выхода переселенцев. Причины указанных различий, связанные в одних случаях с историческим и духовным опытом этнокультурных групп, в других - с особенностями их адаптации к природно-климатическим условиям, нуждаются в дополнительном осмыслении.